

История философии

44 Идеализм Джорджа Беркли

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа

Добрый день. Мы хотим познакомиться с Джорджем Беркли, британским философом XVIII века, и с его идеализмом. Идеализмом в метафизическом смысле.

Иными словами, всё сущее имеет природу разума, нематериального духа. Чтобы понять, что он делает и почему, позвольте мне сначала сказать кое-что о его общем философском проекте. И начну с того, что он был человеком с очень практичным мышлением.

Будучи епископом англиканской церкви в Ирландии, он пытался основать школу для американских индейцев на Бермудских островах, но проект так и не был реализован из-за нехватки финансирования и потому, что он не понимал, что у индейцев нет естественных источников воды, и они зависят от дождевой воды. Поэтому вместо этого он поселился в Ньюпорте, штат Род-Айленд, и по сей день вы можете увидеть его дом там, где местное Берклиевское общество организует экскурсии, которые расскажут вам все, что вы когда-либо хотели знать, и даже больше, о Беркли, его жизни, его деятельности и его огороде. Он интересовался разработкой некоего лечебного средства из смоляной воды.

Таково было состояние медицины в его время. Но я говорю это, чтобы показать, что он был человеком дела, своего рода активистом, занимавшимся всевозможными социально значимыми проектами. А теперь я вам скажу, что он отрицает существование материи.

На самом деле, некий Джо Уиздом попытался провести посмертный психоанализ Джорджа Беркли в книге под названием «Бессознательные истоки философии Беркли», в которой он рассматривает эксперимент с дегтярной водой и его идеалистическую метафизику как столь же обманчивые попытки найти панацею от наших физических недугов. Лечить их лекарствами и отрицать существование материальности. Из-за какой-то патологической неприязни к грязи и экскрементам, таков посмертный психоанализ Джорджа Беркли.

Отнеситесь к этому со всей должной долей скептицизма. В действительности, Беркли в своё время очень интересовался миром идей. Это была эпоха, когда материализм набирал силу.

Это не всегда был более благожелательный с религиозной точки зрения материализм Томаса Гоббса, но часто ассоциировался с атеизмом. Кроме того, деизм того времени был построен на фундаменте ньютоновской физики. Ведь

если природа действует в соответствии со своими собственными неизменными механическими законами, то бог, активно участвующий в природе и непосредственно присутствующий в ней, становится излишним.

Таким образом, деизм был главной религиозной альтернативой христианству в его время. И всё это волновало учёного епископа. Его проект был связан именно с этим.

Итак, как же он собирался что-то с этим сделать? На самом деле, смоляная вода — не решение. Поэтому Джордж Беркли внимательно изучил эпистемологию Джона Локка. Эпистемологию Джона Локка.

Вы знаете эту историю. Разум имеет в качестве объекта своих мыслей то, что он и есть, единственное, о чём он думает. Идеи.

Представления об ощущении и отражении. Представления об ощущении, включающие первичные и вторичные качества. Первичные качества обладают некоторой объективной реальностью в материи.

По мнению Локка, субстратом этого знания является нечто, о чём мы не знаем. Но суть в том, что идеи, по крайней мере некоторые из них, являются репрезентациями. Это репрезентативная теория знания.

Представления о материальных объектах. Теперь, рассматривая эту схему, стратегия Беркли становится относительно простой. А именно, отрицать существование какого-либо объективно реального представления наших представлений о первичных качествах.

Вы увидите. Отрицать возможность преодоления этого когнитивного барьера и доступа к тому, что находится вне сознания, — это заблуждение. Локк считал, что это можно сделать с помощью причинно-следственного вывода.

В чём причина моих ощущений? Именно такие вопросы и задаёт Беркли. Таким образом, если Локк — реалист в отношении материальности, то Беркли в отношении материи — то, что сегодня мы бы назвали антиреалистом. Он отрицает независимую реальность материи.

Это, конечно, характерно для метафизического идеализма. Потому что по определению, если идеалист утверждает, что всё существующее нематериально, то ничего материального не существует. Таким образом, идеализм — это своего рода антиреализм в отношении материи.

И мы столкнемся с другими взглядами, ставящими под сомнение реальность материи, которые стали известны как феноменализм. Феноменализм. То есть,

утверждает, что все, что мы знаем, — это лишь видимость вещей, таких как материальные объекты.

Но существует ли материя в действительности — это уже другой вопрос. Феноменализм. Если хотите, идеализм — это одно из подвидов феноменализма.

Иными словами, идеалист утверждает, что у нас есть только идеи, явления. Материи как таковой не существует. Это своего рода феноменализм.

Но помимо идеализма существуют и другие виды феноменализма. И мы увидим, что Иммануил Кант в некотором смысле является феноменалистом. И, что характерно, весь немецкий идеализм XIX века носит феноменалистский характер.

Идеалистические движения, расцветшие в Европе и Америке в конце XIX века, если вспомнить древних мыслителей, например, Плотина, — да, он тоже феноменалист, потому что материя не имеет независимого существования. Есть души, мир идей, но чем ниже вы опускаетесь по цепи эманаций, по иерархии бытия, тем ближе вы к небытию, и там, внизу, нет субстрата реальности, называемого материей. Это небытие.

Таким образом, платоновская традиция также потенциально представляет собой своего рода идеализм. Это, безусловно, своего рода феноменализм. Теперь давайте сделаем еще один шаг вперед с проектом Беркли.

То, что способствовало подъёму материализма, а вместе с ним и деизма, атеизма, непреднамеренно связано с человеком — с физикой Ньютона. Потому что то, что Ньютон утверждает в механистической физике, которую он систематизировал в своё время, — это независимая реальность, независимая от того, осознаём мы её или нет, независимая реальность материи, силы, причинной силы, однородного абсолютного пространства и однородного абсолютного времени. Это ключевые, основополагающие концепции ньютоновской физики, механистической физики.

Ньютон предполагает, что все четыре явления объективно реальны. Беркли утверждает, что все четыре явления объективно нереальны. Теперь, если вы можете вырвать материю, физическую силу, пространство и время из-под ног материалиста, он не сможет устоять.

Вы увидите. По сути, Беркли выбивает почву из-под их ног, и материализм рухнет. По крайней мере, таков его проект.

Такова его стратегия. Причина трудностей кроется в механистической науке, возникшей с научной революцией. Мы наблюдали эту трудность задолго до этого, особенно в случае с Бэконом, когда она проявлялась в методологическом плане.

Что касается философской позиции, построенной на этом фундаменте Гоббсом, Декартом, Спинозой, понимаете. Лейбниц был одним из тех, кто боролся с этим, отрицая, что материя в ньютоновском смысле является высшей реальностью, основной субстанцией, субстратом. Понимаете?

Потому что для Лейбница основные понятия, то, что он называет монадами, — это единицы силы, единицы энергии. Он предлагал своего рода реализм, но реализм не о материи, а о том, что мы бы назвали энергетической физикой. Не механистической физикой, а энергетической физикой.

Видите ли, Беркли оказывается в подобной ситуации. Его стратегия, очевидно, подсказана ему эпистемологией Локка.

Очевидно, что это так. Поэтому мы обычно представляем историю британского эмпиризма как переход от Локка к Беркли, а затем к Дэвиду Хиллу. Следовательно, его метод будет в высшей степени эмпирическим.

Локк будет настаивать на том, что единственными ресурсами, которыми мы располагаем для естественного знания, являются идеи, составляющие опыт. Простые идеи. И, как и Локк и Декарт, он будет утверждать, что эмпирические способности, данные нам Богом, вполне заслуживают доверия, если мы используем их правильно.

Если мы ограничимся утверждениями, для которых у нас есть доказательства. Так что Беркли, если хотите, — эвиденциалист. Локк тоже в некотором роде эвиденциалист.

Соотнесите свои убеждения с имеющимися доказательствами. Разница между Беркли и Локком заключается в том, что Беркли не считает, что существуют достаточные доказательства существования материи, физической силы, абсолютного пространства и абсолютного времени.

Почему бы и нет? Вот тут мы и переходим от его проекта к размышлениям о принципах, на которых основано его дело. Позвольте мне, однако, сделать паузу. Есть какие-нибудь комментарии или вопросы по проекту? Райан.

Это кое-что из более раннего периода. Когда вы рисовали кантовскую X, или X с Кантом. Да.

А рационализм, или континентальный рационализм, подпитывает одну из сторон британского эмпиризма. Я думал, что рационализм продолжил своё развитие в немецком идеализме. Вот именно.

А затем эмпиризм продолжился в феноменализме. Да. Вы только что сказали, что идеализм относится к феноменализму? Хорошо, позвольте мне уточнить.

Мы составили такую схему. Развитие континентального рационализма от Декарта, Спинозы и Лейбница до того момента, когда Кант, около 1800 года, вынужден был принять на себя также идеи Дэвида Юма. Пробужденный от этой рационалистической спячки, как он сам выражается, благодаря чтению Дэвида Юма.

Бэкон, Гоббс, Локк, Беркли, Юм. Я только что это сказал, или, скорее, вы сказали, что эта эмпирическая тенденция продолжается в феноменализме XIX века. Да.

И здесь я ссылаюсь на таких людей, как французский философ Огюст Кант и Джон Стюарт Милль. А впоследствии — на логический позитивизм XX века. Да, все они являются продолжением британской эмпирической традиции.

Но, как ни странно, в немецкой, а также французской мысли XIX века мы обнаруживаем развитие метафизического идеализма из корней континентального рационализма. И это, естественно, немного сбивает с толку, потому что Беркли тоже идеалист, но он принадлежит к эмпирической традиции. Ну и что? Ведь можно быть идеалистом, придерживаясь двух разных эпистемологических традиций.

Можно быть рационалистом, который одновременно является идеалистом. Можно быть эмпириком, который одновременно является идеалистом. В этом нет ничего сложного.

Если вы достаточно изобретательны в том, как вы это используете. Но вас смущает еще один момент: существует два вида феноменализма. И что? Феноменализм может основываться на эмпирических данных, а может — на рационалистических.

Да. Да. Теперь, чтобы ответить на ваше любопытство, почему рационалисты становятся идеалистами? Дело в том, что рационализм говорит об интеллектуальных ресурсах, о тех интеллектуальных ресурсах, которые заложены в человеческом разуме, о врожденных знаниях, априорных знаниях.

Теперь мы переходим из эпохи Просвещения в XIX век, и акцент делается не на знаниях, а на творческом самовыражении, а на врожденных ресурсах.

Понимаете ? В результате мы получаем идеализм, скорее романтический, чем просвещенческий. Понимаете ? Идеализм, основанный на признании внутренних реальностей, источников активности, действия и мысли, которые находятся в человеческом духе.

Видите ? В то время как для Беркли как эмпирика идеализм не подчеркивает творческие ресурсы человеческого духа. Он подчеркивает пассивность человеческого разума как получателя определенных видов чувственных стимулов. Совершенно иная картина.

Это поможет? Хорошо, это, конечно, забегание вперед, но не стоит путать это с тем фактом, что иногда можно придерживаться схожих позиций по разным причинам. Да, не всегда существует только одна линия аргументации в пользу той или иной позиции. Могут быть две совершенно несовместимые линии аргументации, но при этом одна и та же позиция.

Да. Возьмем, к примеру, республиканизм. Существует множество несовместимых аргументов в пользу подобной позиции.

Это не делает позицию правильной или неправильной. Просто, если вы начинаете с одной точки, вы можете прийти к одному и тому же выводу. Дэвид? Я хотел спросить, феноменализм — это вера в то, что мы можем, разум может познавать только явления, или что существуют только явления, а реальности нет? Идеалистическая позиция Беркли заключается в том, что материи не существует.

Всё, что существует, — это умы и психические состояния, идеи. Да. Феноменолог, возможно, не будет настолько категоричен в своих суждениях.

Феноменолог может сказать: всё, что мы знаем, — это феномены. Да. И это больше характерно для Джона Стюарта Милля.

Значит, если он опровергнет материализм, то сможет привести более веские аргументы в пользу дуализма? Да. Видите ли, если окажется, что нет доказательств существования материи, то наши представления об ощущениях должны исходить из другого источника. И, если коротко, он скажет нам, что, поскольку идеи — это ментальные вещи, у них должны быть ментальные причины.

Причина должна быть подобна следствию. Если мой разум не является причиной моих чувственных идей, то другой разум должен быть причиной моих чувственных идей. А поскольку у всех нас, по сути, одинаковые чувственные идеи об одних и тех же объектах, рассматриваемых с одной и той же точки

зрения в одних и тех же условиях, должен существовать некий высший разум, дающий нам все эти чувственные идеи.

И у него есть причинно-следственный аргумент в пользу существования Бога. А Бог должен делать это постоянно, поэтому это должен быть теизм, а не деизм. Что это было? Ах да, это умно.

Умно. Знаете, главная проблема, с которой сталкиваются студенты на вводных курсах в Беркли, особенно на курсе 101, — это принятие того факта, что кто-то может отрицать существование материи. Понимаете? Хотелось бы думать, что вы это преодолели.

Мне хотелось бы думать, что вы уже не способны сказать: «Вы имеете в виду, что моя рука — это иллюзия?» Нет, Беркли никогда не говорил, что это иллюзия. Думаю, это знаменитый эссеист Джонсон сказал, что собирается опровергнуть учёного епископа, пнул камень, ушёл, держась за палец на ноге, и сказал: «Эта боль была реальной!» Понимаете? На что Беркли ответил: «Да, это то, что мы называем, цитирую, реальной, потому что это была произвольная боль». В то же время, существуют и произвольные виды боли, как вы себе представляете, но это была одна из причин.

Вопрос лишь в том, в чем причина боли? В чем причина этого произвольного ощущения боли, которое у вас возникает? И это не глупая позиция. Это взвешенная, серьезная позиция. Мне она по-прежнему не нравится, но, как вы знаете, религиозные мыслители, не только в иудео-христианской традиции, но и в восточных традициях, часто принимали метафизический идеализм как наилучший способ говорить о высшей реальности божественного.

Как нематериальное существо. В самом деле, когда Спиноза говорил, что всё есть Бог и Бог есть всё, разве вам не хотелось, чтобы он сказал, что всё нематериально? Если уж он пантеист, то пусть будет идеалистом. И, возможно, он вас разочаровал, оказавшись скорее материалистом.

Но между метафизическим идеализмом и теизмом, пантеизмом и религиями в этих традициях существуют естественные сходства. Таким образом, существует давняя традиция, особенно в британской мысли, христианского идеализма, особенно платоновского характера. Ну, вы помните, я упоминал кембриджский платонизм XVII века.

И подобные вещи повторяются с тех пор. Хорошо, а что же тогда с принципами Беркли, на которых основывается подобная аргументация? отдых? Что ж, имейте в виду, какие проблемы он рассматривает. Он пытается использовать эпистемологию Локка для достижения иных выводов, отличных от выводов Локка.

И поэтому его первым шагом становится аргумент против теории абстрактных идей Джона Локка. Вот почему мы так тщательно излагаем теорию абстрактных идей Локка. Это становится крайне важным.

Это, конечно, касается философии языка. И вот во вводной части материалов из Беркли он говорит о языке и об абстрактных идеях. И он отстаивает номиналистическую позицию в противовес концептуалистской позиции Джона Локка.

Суть его замечания в том, что язык подвергается глубокому злоупотреблению. Мы склонны думать, что везде, где есть общий термин, должен существовать какой-то реальный объект, которому он соответствует. Мы склонны предполагать, что все существительные и имена обозначают вещи.

Итак, если существуют общие существительные, то они должны обозначать общие вещи. А если нет реальных, объективно реальных универсалий, то что же обозначают общие существительные, нарицательные существительные? Они обозначают абстрактные общие идеи. Абстрактные идеи концептуалистов.

Но Беркли убежден, что это ошибка. Язык может делать много чего, помимо наименования. Не все слова дают имена.

Не весь язык является референциальным, указательным, означающим или обозначающим. Мы можем делать с языком много других вещей. Не обязательно существует однозначная корреляция между словами и идеями, как считал Локк.

Слова зачастую не имеют фиксированного значения. Но помимо обозначения вещей, слова могут использоваться для утешения, ободрения, увещевания, порицания. Мы используем язык для самых разных целей.

Теперь, когда вы читаете этот раздел в Беркли, вам может показаться, что он очень похож на работы Витгенштейна. Если вы сталкивались с Витгенштейном XX века. Или с Оксфордской философией обыденного языка, как её называли в 1950-х и 1960-х годах.

Потому что тогда существовала группа философов, среди которых Витгенштейн был очень значимым. В Оксфорде, Кембридже и других местах существовала группа философов, которые применяли позитивизм 1930-х и 40-х годов. Этот позитивизм настаивал на том, что любой язык должен иметь референцию, обозначать.

Кто сказал, что мы можем делать с языком множество других вещей, и Витгенштейн назвал их другими языковыми играми? Видите ли, другими языковыми играми. Конечно.

Мы используем язык для самых разных социальных взаимодействий. Да. Он выполняет множество функций.

Беркли это понимает. И поэтому он считает, что нас ввели в заблуждение, полагая, что все слова обязательно должны обозначать что-то вне нас. Следовательно, общие термины должны быть названиями абстрактных общих идей.

Нет. И некоторые из приведенных им примеров и аргументов, на мой взгляд, полезны. Например, он говорит, что, согласно Локку, у нас есть абстрактное представление о движении.

Или абстрактное представление о цвете. Или абстрактное представление о протяженности. Теперь возьмем понятие протяженности, потому что оно подразумевает первичные качества.

Размер, форма, плотность и так далее. Эти свойства в совокупности образуют то, что мы называем пространственной протяженностью. Пространственное заполнение.

Пространственное расширение. Да, сэр. А у вас есть общее представление о пространственном расширении? — спрашивает Беркли.

Нет, у вас есть представление о конкретной форме, конкретном размере, конкретной занимаемой площади. Но протяженность? А как насчет цвета? Это второстепенные качества. Цвет.

У вас есть какое-нибудь абстрактное представление о цвете в целом? О, нет. У вас есть представление об оттенке синего цвета моей рубашки. Я сегодня специально надел синюю рубашку.

Оттенок синего моего галстука. Оттенок синего моих глаз. И так далее.

Но у вас есть представление о синем цвете в целом? Нет, это слово — просто обобщающее обозначение всех этих оттенков и тонов, классифицируемых определенным образом. Да, сэр. Значит, он отрицает существование абстрактных идей.

Теперь принесите это домой, чтобы зажарить. У вас есть представление о материи? Абстрактное понятие? Ну, даже Локк не имел. Он сказал: «Это нечто, чего я не знаю, что это».

О, вот тут-то и пригодится. Нет, у вас нет представления о материи. У вас есть представление о конкретном яблоке, конкретном дереве, конкретном камне, конкретном стуле.

Но в абстрактном смысле это не имеет значения. Есть ли у вас абстрактное представление о пространстве? Нет, о некоторых пространственных отношениях, о расстояниях, о занимаемых площадях, в частности, но не в абстрактном смысле. Есть ли у вас абстрактное представление о времени? Та же проблема.

У вас есть абстрактное представление о власти? Помните, Локк посвятил этому целый раздел. Нет, у вас есть общий термин «власть», который относится к определенным осязаемым, переживаемым силам, но не к власти в абстрактном смысле. Вы можете почувствовать напряжение в мышцах, когда поднимаете очень тяжелый груз.

Вы чувствуете силу, мощь. Но это нечто особенное, это не абстрактная идея. Поэтому он отрицает, что это абстрактные идеи, и порой его риторика на эту тему очень убедительна.

Когда, например, он это говорит, лучше всего об этом могут судить другие, обладают ли они этой замечательной способностью абстрагироваться от чужих идей. Но я, например, обнаружил у себя способность к воображению, к представлению себе идей конкретных вещей, которые я воспринимал, и к их объединению и разделению. Я могу представить себе человека с двумя головами, или верхние части тела человека, соединенные с телом лошади, или жирафа-фею с крыльями бабочки.

Я могу рассматривать руку, глаз, нос — каждый отдельно, вне остального тела. Но у них должна быть определенная форма и цвет. Никакими мыслительными усилиями я не могу постичь описанную абстрактную идею.

Мне также невозможно сформировать абстрактное представление о движении, отличное от движущегося тела, — ни быстром, ни медленном, ни криволинейном, ни прямолинейном и тому подобное. Проще говоря, я признаю свою неспособность к абстракции в одном смысле, например, когда я рассматриваю отдельные части или качества отдельно от других и т. д. Но я отрицаю, что могу абстрагировать эти качества и сформулировать общее понятие посредством абстракции.

А затем он переходит к разговору об одном выдающемся философе, который считал, что это возможно, и начинает спорить конкретно с цитируемыми им абзацами. Таким образом, по сути, Беркли говорит: сможете ли вы это сделать, я не знаю. Вам придётся сказать самим, но я точно не смогу.

Я не могу абстрактно мыслить об абстрактных общих идеях. Что это за аргумент? Это эмпирический аргумент. Он говорит Локку, и это при том, что он недостаточно эмпиричен.

Он говорит Локку, что тот недостаточно эмпиричен. В этом вопросе абстрактных идей. И я полагаю, если Локк захочет ответить, если Локк, как эмпирист, захочет ответить, единственный ответ, который он сможет дать, будет эмпирическим.

Что в нашем опыте использования общих терминов связано с размышлением об абстрактных идеях? Размышление об абстрактных идеях. Что ж, я так сформулировал вопрос, поэтому, пожалуй, стоит сделать паузу и предложить, как вы могли бы попытаться ответить на него, как другие пытаются ответить на него. Нужно думать о словах не как об именах, а как о символах.

Не как имена, указывающие на объекты, а как символы, которые образуют целостный язык, где символы соотносятся с другими символами. Поэтому, когда вы мыслите абстрактно, вы мыслите в терминах языка. И в рамках этого языка, думая на этом языке, вы мыслите абстрактно, отталкиваясь от конкретных объектов .

Так устроена математика. Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух других сторон. Не пытайтесь это представить, это будет неточно.

Вы не думаете о чем-то конкретном . Вам нужно мыслить на языке математики. Поэтому, я думаю, суть в том, что язык рассматривается как символ, а не как средство обозначения.

Язык рассматривается как система символов, являющаяся средством абстракции. Конечно, эта концепция зародилась в XIX веке. И эта идея нашла отражение во всевозможных литературоведческих теориях и так далее.

Хорошо, есть какие-нибудь вопросы или комментарии по поводу номинализма Бёклера? Как епископ говорит о справедливости, законах и этике в рамках номинализма? Да, я бы предпочёл подождать до его ответов на возражения, но, пожалуй, два момента. Во-первых, он не пишет трактата по этике. Но вы говорите, что он был епископом.

Ну, епископы не всегда пишут трактаты по этике; они проповедуют. Так что, возможно, вопрос в том, как он проповедовал? Как он давал советы? Как

номиналист занимается этикой? Видите ли, в этом и заключается вопрос, не так ли? Что ж, вернёмся к Вильгельму Оккаму. Что он делал в отношении этики? Вернёмся к Томасу Гоббсу.

Что он сделал в отношении этики? Вернемся к Лютеру, который был номиналистом. Что он сделал в отношении этики? И здесь прослеживается двойная формула, которая проходит через всю эту номиналистическую традицию и доходит до некоторых концептуалистов. И до Кальвина тоже.

Правильный разум и слово Божье. Что такое правильный разум? Правильный разум — это мышление в терминах последствий. Разрушение средневекового синтеза с его метафизически обоснованной этикой, его этикой естественного права.

Вот почему разрушение этого средневекового синтеза породило утилитаризм, консеквенциалистскую этику. И слово Божье, да, божественное повеление вам. Так что справедливость — это то, что говорит Бог.

И я предполагаю, хотя у меня нет в Беркли места, где бы это подтвердили, что он достаточно хорошо знаком с номиналистской традицией. Видите ли, которая была очень реальной и очень влиятельной в XVII и XVIII веках, поэтому он будет следовать этой традиции. Да, я думаю, это так.

Я на мгновение задумался, а как насчет влияния кембриджского идеализма на Беркли? Судя по тому, что я читал, я не вижу особого влияния кембриджского идеализма на Беркли. Если бы оно и было, то скорее касалось бы моральных интуиций. Видите ли, непосредственного осознания какой-либо моральной истины.

Потому что кембриджские платоники верят во врождённые идеи, в врождённые моральные идеи. Но это, знаете ли, врождённые моральные идеи настолько чужды эмпиризму Беркли. Нет, я этого там не вижу.

Хорошо. Тогда сделаем второй шаг. И зададим себе более прямой вопрос: а как насчет его аргумента против материализма? Его аргумента против материализма.

И здесь его внимание обращается к теории идей. И он отстаивает позицию, которая стала известна как ментализм. Ментализм.

Мнение, согласно которому существуют только умы и их идеи. Только умы и их идеи. То есть, то, что происходит в умах.

Существуют только разумы и их идеи. Ах да, и если вы хотите узнать, как он считает, что разум существует, откуда он вообще знает о существовании разума? Он бы поступил с вами как Декарт. Не знаю, как вы, — мог бы он сказать, — но я думаю.

Следовательно, я существую. Значит, существует как минимум один разум. Но почему только разумы и их идеи? Где его аргумент в пользу этого? Каков его аргумент в связи с теорией идей? В общем, его аргумент заключается в том, что если идеи действительно являются исходным материалом, из которого состоит знание...

Конечно, простые идеи, сложные идеи, связанные друг с другом утверждениями или отрицаниями, — вот из чего состоит знание. Если это так, и если идеи — это ментальные вещи, ментальные события, то если причина должна быть подобна следствию, то у идей должны быть ментальные причины. Следовательно, идеи, которые нахлынивают на мой разум, должны быть вызваны либо моим разумом, либо другим разумом или разумами.

Какова причина, такова и следствие. Теперь сразу видно, что он осознал невероятно сложную проблему, которую поставил перед собой Декарт, используя дуализм разума и тела и причинно-следственную связь. Как телесные изменения могут вызывать психические изменения? Как физические стимулы для органов чувств, вызывающие мозговые процессы, могут приводить к изменениям в этой нематериальной душе? Какова причинно-следственная связь? А ко времени Беркли никто не воспринимал Пениэля Гленна всерьез.

Кроме того, в Европе развилась традиция, известная как окказионализм. Одним из её представителей был француз Малаброш, сам являвшийся метафизическим идеалистом. Окказионализм — это точка зрения, согласно которой нет прямой причинно-следственной связи между разумом и телом.

Но, скорее, когда со мной происходит что-то физическое, это тот случай, когда Бог вызывает соответствующее психическое состояние. И когда я в уме решаю что-то сделать, это просто тот случай, когда Бог вызывает это физическое действие. Это довольно привлекательная позиция, если вы пытаетесь найти какое-то причинно-следственное объяснение, но Пениэль Гленнс этого не делает.

И Беркли, похоже, в некоторой степени находится под влиянием этого, хотя, очевидно, его позиция несколько отличается. Но идея о том, что Бог является причинным фактором. Видите ли, окказионалисты пытались защитить определенную сильную кальвинистскую точку зрения.

Вот что мы имеем в виду, когда говорим, что Бог всемогущ, всемогущ; мы имеем в виду, что Он обладает всей существующей силой, и никто другой не обладает никакой причинной силой. Ничто другое. Вот почему пениэль-гленны не работают.

Ничто физическое не обладает причинной силой. Это была попытка окказионалистов избежать последствий механистической науки, в которой природные причинные силы достаточно объясняют все природные процессы. Материя, эта инертная, слизистая субстанция, не обладает никакой причинной силой.

Бог обладает всей властью. Он – всемогущий. Поэтому, по аналогии с этим, Беркли утверждает, что именно Бог является причиной.

Но чтобы прийти к этому, ему приходится более тесно взаимодействовать с теорией идей Джона Локка. И вы обнаружите, что в этом разделе, который охватывает страницы с 247 по 254 в антологии, он, как мне кажется, опирается как минимум на три аргумента. Три аргумента.

Во-первых, это неосознанные вещи, некоторые вещи, о которых я не знаю, что это такое, неосознанные вещи, неизвестные, как неизвестный субстрат Локка. Таким образом, разговоры о неизвестных вещах не имеют никакой отсылки, никакой точки отсчета. Они ни на что не указывают.

Поэтому, когда вы говорите о материи, о той подложке, которая, как предполагается, обладает первичными качествами, язык не имеет эмпирического значения. Если что-то неизвестно, значит, это неизвестно. И вы ни на что не ссылаетесь, когда говорите об этом.

То же самое, в конце концов, верно и для силы, и для пространства, и для времени, и для аргумента. Второй аргумент — это причинно-следственная связь, подобное следствие. Но третий аргумент, несколько более тонкий, связан с доктриной Локка о первичных и вторичных качествах.

Первичные и вторичные качества. Видите ли, Беркли беспокоит то, что Локк недостаточно эмпиричен в этом вопросе: Локк, кажется, говорит о первичных и вторичных качествах так, как если бы в нашем сознании мы могли их разделить и рассматривать по отдельности. Как если бы можно было представить первичное качество без вторичного качества и вторичное качество без первичного качества.

В то время как в реальном опыте, опыте здравого смысла, и в Беркли всегда обращаются к здравому смыслу, в опыте здравого смысла я никогда не воспринимаю цвет, который не был бы пространственно протяженным. Даже

небольшое синее пятно должно иметь протяженность. А если бы пространственная протяженность вообще воспринималась, она должна была бы иметь цвет.

Что-нибудь, что позволит мне это увидеть. Не просто пустая пристройка. Что такое пустая пристройка? Пустое пространство.

Что это? Ничего. Ничего эмпирического. Так что, если никогда не бывает первичных качеств без вторичных качеств или вторичных качеств без первичных качеств, к чему это нас приводит? Что ж, Локк говорил, что вторичные качества субъективны.

Вызваны тем, что их вызывает. Локк указал, что вторичные качества могут быть в некоторой степени относительными к различным условиям наблюдения относительно воспринимающего. Вторичные качества.

Да, это зависит от того, промыли ли вы уши и насколько отчетливо слышите звук. Зависит от того, носите ли вы очки, видите ли вы его четко. Конечно, я даже не могу разглядеть будильник, когда просыпаюсь без очков.

Всё становится всё хуже и хуже. Наверное, однажды я просто перестану этим заниматься. То, что вы видите, вторичное качество, относительно состояния ваших органов чувств и множества других условий наблюдения.

И поэтому, по его словам, это субъективно. Объективного соответствия не существует. Но то же самое верно и для первичных качеств, связанных с этими вторичными качествами.

И он указывает на старую крепостную башню на горизонте. Знаете, эти большие квадратные нормандские замки. И спрашивает: «Какой формы он?» Кто-то отвечает: «Квадратный».

Нет, нет, посмотрите, какую форму вы видите с такого расстояния? Ну, она не совсем квадратная. Скорее, это крошечное круглое пятнышко. А какую форму она принимает, когда вы подходите ближе? Обратите внимание, какую форму она принимает.

Ну, оно становится огромным, квадратным. Оно заполняет весь горизонт. Очевидно, что первичные качества, как и вторичные, относительны, а значит, должны быть субъективными.

Итак, если и первичные, и вторичные качества относительны и субъективны, что же остаётся от объективно реальной материи, независимой в своём существовании? Эмпирически — ничего. Нет ни следа эмпирических

доказательств существования материи как объективно реального субстрата. Ну, это не значит, что я не вижу замка.

Конечно, я вижу замок. Это не значит, что я ничего не вижу в будильнике. Разумеется, я что-то вижу.

Трудности у меня возникают с чтением. Нет, вопрос не в том, есть ли у нас тот опыт, который у нас есть. Ни один эмпирик не станет отрицать, что у нас есть опыт такого рода.

Вопрос в том, существует ли у того, что мы переживаем, независимая материальная основа. И для этого, по мнению Беркли, нет ни единого эмпирического подтверждения. Поэтому, исходя из теории идей, он приходит к выводу о ментализме: существует только разум и идеи.

Если хотите, это своего рода феноменализм в отношении физических объектов. От чистого феноменализма его отличает утверждение реальности разума и реальности Бога. А если Бог и разум реальны, то он не совсем феноменалист.

Он феноменолог, занимающийся исключительно физическими объектами. Так что это менее масштабный вид феноменализма, чем тот, к которому нас подтолкнет Джон Стюарт Милль. Хорошо, вопросы, комментарии? Что ж, думаю, на этом мы остановимся.

Как я выяснил, эти часы отстают примерно на пять минут. А к третьему основополагающему принципу, его теизму и ответам на возражения мы вернемся в следующий раз. Так что в следующий раз мы должны сделать все необходимое с Беркли, и, я полагаю, к тому времени вам также нужно будет составить план Беркли.